

Соэль Карцев

Невесомый мой паланкин

Лирика

Соэль Карцев

Невесомый мой паланкин

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Карцев С. В.

Невесомый мой паланкин / С. В. Карцев — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Первый поэтический сборник, содержащий стихи 2014/2016 годов. Шесть разделов охватывают все аспекты моего творчества. К настоящему моменту мною написаны более 200 произведений. В данный сборник вошли лучшие из них. Всего 62 стихотворения, в их числе поэмы: "Бутафория" и "Фотография" Желаю приятного прочтения! С любовью и уважением Соэль Карцев

Глава первая.

Этика

Фотон

Стук колёс и граффити безличные,
за окном – не родная земля:
что же держите здесь, заграничные
перелески, болота, поля?

Ностальгию познаю едва ли я:
дела Родине нет до меня.
Здесь семья и родился мой маленький:
пару лет здесь не зря разменял.

Целый день: и заботы, и радости.
Сына старшего, вот, повидал.
Хорошо... Не хватает лишь малости...
Капля с неба... И хлынет вода!

И накроет спасительной свежестью
в жаркий полдень среди тополей,
одарив позабытою нежностью
ленинградских тенистых аллей...

Тихим вечером, медленно тающим,
я пишу в электричке стихи;
для вещей незнакомых пристанище —
вещество поутихших стихий.

Улыбнётся спросонок мелькающий
и привычный, вокзальный перрон.
Не прощаюсь со сказкой пока ещё
и жар-птицу держу за перо.
Мне судьбу – сероглазую спутницу —
не искать в неизвестных мирах;
невесомым фотоном, на улице
освещают стихи полумрак!

Бутафория (поэма)

Невесомым фотоном стихи – то ли дар, то ли блажь —
озаряют по улице детства счастливый вояж
в той стране, где зима беспокойно быстра на примерке.
Пусть за окнами вновь нам едят, протезируют мозг
гуманисты в запасе, сминая в расплавленный воск
на вечерней поверке.

Листья ищут тепла. Этих старых парадных уют
как подножье Олимпа, где лифты бессмертье куют,
зажимая дверьми зазевавшихся мам и младенцев...
В них убористый почерк тинейджеров стенки развел,
и знакомая клинопись там завершает раздел
понадёжней каденций.

Здесь привычны дела. Многотомные сводки властей

и тоскливые своды судьбы между их челюстей.

Потолки натяжные, работа и взрослые дети:

впятером на квадратах родных. А за выслугу лет —

новый шведский диван да на транспорт бесплатный билет;

и всё те же соседи.

Вереницы домов, иномарки, в метро марш-броски,

а у входа старушки: "Купите – бормочут – носки".

На асфальте реклама: ремонты, Содом и Гоморра;

магазины ночные... Народ тащит с дачи мешки.

Бизнесмены на форумах наглые ловят смешки

прохиндея и вора.

Променять на свободу селёдку под шубой готов

тут не каждый четвёртый... Сознание своры котов

поглощает сознание Божьих созданий;

хоть коты, вроде, тоже от Бога – орут будь здоров,

если сильно голодные – им не хватает кормов

и без счёта свиданий.

Время смоем следы кафкианских пейзажей на дне

рек, текущих под кожей в немыслимой нам глубине,

всё расставит по полкам... Нулями от доли процента
рассчитает свершенья, провалы, законы смертей...

Свойства ангелов, может, а может, чертей

порождает плацента.

Только здесь вроде чёрной дыры; искорёжена ось
обалдевшей планеты и время расплющено вкось.

По дощатым настилам покойники прошлой державы
валом валят отсюда в распахнутый мир голубой,
где с открытым лицом нас встречает прохожий любой,
бомб не ведая ржавых.

Что ещё не порвали Европу на сотни частей
радикалы, мигранты, политики разных мастей,
в это веришь с трудом, находясь в окружении хладном
обращённых к живым, мертвечиной смердящих речей,
ворожбы на костях и омоновских крепких плечей —
диссонансом досадным.

Что в ментальности вечера? Пегая, странная грусть —
словно пёс ошалелый – и город, в который не рвусь...
Обыватели топают мимо, лелея заботы...

Мне бы в лица взглядеться, но сеется дождик с небес;
вечных луж зеркала отражают падение бездн
на исходе субботы.

С доброй феей лесною горланить во все времена,
по зелёному лугу бежать и держать стремена
моего удалого коня в дивном сне послезавтра...

Только вряд ли поможет проверенный этот рецепт;
за спиною, у входа в идиллию тот же концерт

с чашкой кофе на завтрак.

Мы, пожалуй, повсюду, осколки империи той —
ведь открыты границы – но держится купол литой,
где кончается тень, привлекая и тех, кто уехал
и тем более тех, кто остался, как шарик Фуко;
кто-то сводит концы, кто-то смаху вмерзает в Юкон
на вершине успеха.

Не пора ли увидеть, как бьётся под кожей река,
дотянуться до сжатой материи материка
и вернуться к себе? эх, мешает короста:
императоры, ханы, тираны, генсеки, князья,—
всё лишь мы, познающие снова оттенки "нельзя" —
бутафория просто.

Река жизни
Посвящается Марине Цветаевой...

Вернёшься ты из этой долгой муки,
Меж небом и землёй!
Растопит луч литые льды разлуки —
Безжалостной зимой.
Грядёт поток надежды и спасенья,
Отступит суета.
Ты будешь жить среди стеблей растений
– Прожилками листа!

Ты не уйдёшь, и в этом вихре вечном
Пусть бархатом дождя
Коснёшься нас на перекрёстке Млечном,
Как берега – ладья.

Изящная, как лань, в движеньи чутком,
Наивна и чиста,
Приведшая свободною минуткой,
В знакомые места.

Дубравы шум и птичьи переклики,
И вишни спелой вкус...
– Твой голос здесь – плетеньем ежевики,
Нелепицею чувств!

Нам всем теперь – тебе, созвучной эху,
У томика внимать.
Твои стихи, не просто на потеху,
Как таинство – читать.

Горчит полынь и сладок плод запретный:
Мне грустно и легко,
Твой абрис здесь и силуэт заветный —
Из глубины веков.

Наедине с печальной тобою —

Случайны и смешны

Следы в душе невидимого боя —

Без правды и вины.

Уж сколько лет, как вижу эту бездну

Развёрстую вдали!

Настанет день, когда и я исчезну

С поверхности земли.

—

В финальной строфе использованы строки Цветаевой из стихотворения:

"Уж сколько их упало в эту бездну"

Марина

"В большом и радостном Париже

Мне снятся травы, облака,

И дальше смех, и тени ближе,

И боль как прежде глубока."

Марина Цветаева

Не опоздание, а радость

И неба чистая постель,

И смех, и тени за оградой,

И ожидание потерь.

Давай, Марина, через годы

Мы о тоске поговорим.

Как эмигрантов пароходы

Вдаль уплывали. Горький дым.

Расстрелы, а затем разруха,

Но всё же Родина – одна!

И без неё поэту – мука:

Ту чашу выпила до дна.

Там запах свежих круассанов:

– Гарсон.

– Мерси, мадмуазель.

Здесь стоны из Чека подвалов

И непримятая постель.

Ждала вестей и не ложилась,

Курила долго, у окна,

И напрягалась шею жила,

Но всё же, Родина – одна...

И, опустив смиренно руки,

Ты приняла, как божий дар,

Страны родной и вид, и звуки,

Её растянутый удар.

Ночной портье

Ко мне приходит мой ночной портье,

Мой мрачный стражник, вечный инквизитор,

Из тени незадёрнутых портьер,

Когда не жду и не прошу визита.

Ботинками ступает на палас,

С ухмылкой мне глядя прямо в очи,

Распахивая рта кривой атлас,

Как жэковский, хмельной водопроводчик.

Права качает, душу теребя

И требуя отчёт за весь период:

Мол, сколько, ненавидя и любя,

Мол, сколько про Владивосток и Рио

Ты написал?... А я молчу в ответ...

Скукоживаясь, пропадает доблесть.

Скользят слова, подобные плотве,

В обрывки снов роняя странный проблеск...

Влекомый им, иду на эшафот —

Без времени, без места, без причины,

Сквозь маски пламенеющий шифон

Узреть пытаюсь злобную личину...

Орёт надрывно золотушный грач,

Луна висит размазанною каплей;

Безудержный на волю рвётся плач,

Когда рублю себя тупою саблей...

Моя душа

Поёт душа и треплет сердце ветер
До слёз, до боли, до звенящих рос...
Ах, кто бы так меня ещё приметил!
Ах, где бы я в родную землю врос!

Гори, гори опять, не вполнакала.
Берёзой белой, небом голубым
И жаворонком в небе запоздалым,
Пожайлуста, чуть-чуть меня люби...

Я ломтями небо пластал
Я ломтями небо пластал,
Тишину ладонями черпал,
За зелёной плотью листа
Поворачивал к солнцу череп.

Не из тех мы, видно, пока,
Кто малину не рвёт, а просит;
Наминает себе бока,
Окунаясь в ресницы, просинь.

Поперёк Вселенной торчит
С нашим скарбом телега криво;
До нетронутой звёзд парчи
Ковыляет тихонько Клио.

Нарастает звучаний зуд

Беготнёй насекомых ножек.
Нас давно небеса не ждут —
Жмутся в нас шагреновой кожей.

Заплутавших берём котят
Мы под крыши своих укрытий,—
Как по миру звуки летят,
Я услышу в плену наитий.

Не напившись крови, клинки
Возврутятся в ножны, смиряясь:
В невесомый мой паланкин
Превращается мира завязь.

Моему другу
До дыр износив,
не выменяю
ботинок.

(Старая пара —
лучше двух,
новых.)

Но с радостью двух, длинноногих блондинок
на Рихарда Мора
выменял бы
снова и снова.

Иные удивятся,

мол,— зануда из зануд —
назовут каким-нибудь обезьянним именем,
и ну, авторитет
поэтический раздув,
давай насасываться стихирищи выменем.

А мне

милее
его скромность,
пускай не засвеченный —
человек просто.

Разве

обязательно
быть огромным
лиллипутом
стабильного, рейтингового роста?

Каждый может поднять дактиль,

выжать

амфибрахия

сто с лихом,

а вы

смогли бы

стихотворческую практику

разложить теоретически

совёнку с совихой?

А он сумел

 мою бедную голову

заполнить

 знанием

 высшего

 сорта.

Не просто

 на пляже

 валяюсь голым я:

киплю

 одновременно

 стихов

 ретортой!

Пуškai,

 бронзовея

 колителей

 читачеством,

знающие скажут:

 "От кур в ощи́п".

Поэзия —

 ближнему

 помочь

 не артачься!

Поэзию —

 поближе

к сердцу

ищи!

Вороны

Я не вижу огня, не вижу.

За спиною выжжено всё.

Наливается солнце рыжим

Цветом палева. И несёт

Запах гари, да прямо в душу,

А на сердце такая муть:

Не доплыть до желанной суши,

Хоть осталось совсем чуть-чуть.

Что вы лезете оголтело?

Пережил я боль, испытал.

Нате, вороны, рвите тело,

Закаляйте души металл!

Что сумели сберечь?

Пора. Ухожу в мимолётной пылинке

Над тучами слушать блаженную тишь.

И, с неба срываясь, летящей дождевой

Слепящего света пространство прошить.

Там белая ночь в петербургском конверте

Найдёт адресата на улице Грёз,

Наивная радость застрянет в кювете

Машинкою детской из смеха и слёз.

Там горечь потерь и разлуки страданье,

И чёрная зависть, и лживый навет,

Но солнечный луч невозможных желаний

Подарит надежду, веселье и свет.

Чуть хмурятся тучи, чуть веет прохладой

И тянется клин ожиданий и встреч.

Что было случайным, что было досадным,

А что в нашей жизни сумели сберечь?

Дождит

Она пришла с восходом, до зари,

Остановилась и слегка парила,

Застенчиво, наивно, изнутри

Смотрела и вела через горнило:

"Ты ожидай, когда придёт рассвет,

Исчезну, тихой радости желая,

Пунктирный, мой, размытый силуэт

Не забывай, пока ещё жива я".

Смычки дождя ходили по стеклу,

Играл сентябрь осеннюю кантату,

И плечи серебрились на свету

Так трогательно нежны и покаты.

Хотелось мне покаяться в грехах

И загадать заветное желанье,

Прижаться к ней и отпустить в мечтах,

Она смотрела ясно и печально.

Прожитых лет оконченный наркоз

Мешал понять, что делать с этим счастьем,

А белый лист под радугой пророс

Неповторимой нежностью и страстью!

А за окном ветра плясали твист,

Вступал кларнет и флейты, и гобои,

И плакал я, и гимн играл горнист,

И в сердце жизнь наделала пробоин.

Закончился визит, пришёл рассвет,

Нечаянную радость мне пророча,

И стёрся светоносный силуэт,

А дни летят, а капля камень точит...

Апостол

Что эти строки? – И боль, и радость —

Их отражение размыто.

Подбитой птицей доколе падать?

Не проще ль кинуться в тупую сытость?

Кричать устанешь – зовёшь тихонько,

А слово ластится, порхает рядом:

То лезет слабым, слепым котёнком,

То пышет ядом.

Не раскрывая сакральных истин,

Идти апостолом заставит

Тропинкой лунной. Но только свистни —

Исчезнет, ускользнёт, растает...

Порывы ветра, трава, фиалки —

Всё просто вроде бы – состряпай хокку;

Но почему-то скорбят весталки,

И Ланселот увяз с наскока.

И вещей голос услышишь между

Сердцебиений лабиринта,

На перепутьи, смыкая вежды,

В разрыве спринта!

«Пусть перед всеми, но мне бы в душу

Ты – аз и есмь – воздай крылатым.

Среди Вселенной, мир не нарушив,

Живи...

всегда...

НЕВИНОВАТЫМ...»

Этика

Корябать душу саблей перочинной

Тебе доколе в лучшем из миров?

Ведь этот мир является причиной

Твоих поступков, разума и снов.

Не продавай свободу – ни мгновенья,

Не потеряй способность сострадать

И, может быть, поймашь вдохновенье,

И прочитаешь Божию тетрадь.

Меганом

Я триста песен написал,

Я триста раз себя распял.

Я был жрецом, я был пророком:

Пускай, мне это вышло боком,

Не стал соперником Ему.

Но жизни спелую хурму

Вкушал, от сладости балдея,

Но сказки слушал берендеев!

Там обретал, а здесь терял

И рвался, вновь, на пьедестал,

И горю не сдавался, смея,

И в небо, ввысь, воздушным змеем,

Воздушным змеем улетал.

Что жизнь земная – суета.

Вот счастье, видишь – цвета вербы.

На Меганоме буду первым!

А стопы давят тормоза,

А по щеке бежит слеза...

Я триста песен написал,

Я триста раз себя распял...

мыс Меганом-одно из сакральных мест в Крыму

Глава вторая.

Письма

Последнее

Я бросил душу на ножи, лица овал
Мне листопад наворожил, наколдовал.

Проходит жизни суета,

Игра в вине:

Остаться с Вами я мечтал

Наедине!

Не бойтесь, Господом прошу,

Моих проказ,

Послышится дубравы шум

Последний раз.

Прощаться с осенью грешно,

Продлить бы миг,
Но что решил, то решено,
Письмо – не крик.

Прощаться с Вами целый век
Я был бы рад;
Лишь ожидания завет —
Последний взгляд.

Чиновник – графам не чета.
Что может тень?
Ответных писем не читал
Ни разу в день.

И этот опус напоказ
Не выставлял,
Он не дойдёт уже до Вас,
И в наст – земля...

Металась белая метель —
Бумага зла —
Рвалась со скрипом дверь с петель,
Молилась за.

Лакей, отказанный приём;
Пишу – зачем?
Сперва сорвалось остриё

Пера – затем —

Пронзило грудь, забилося вдруг

Там сердце, в такт!

Кончаю драму, милый друг,

Последний акт.

Камней граната алый блеск

Почти угас,

И лишь слова, последний всплеск

Меня для Вас,

Восстали с белого листа,

Как со стерни,

Собратья первые Христа —

В благие дни.

Их, трепетных, не смог распять, оставил жить;

Уже поставлена печать, свистят ножи.

по мотивам повести

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.